

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ВНОВЬ В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ

Астафьев Игорь Владимирович

кандидат экономических наук,
докторант Департамента экономической теории
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: iastafjev@mail.ru

Аннотация: Проблема антагонистического противостояния двух способов организации деятельности в макроэкономических системах – свободного рынка с доминированием частного капитала и планово-государственной системы – не имеет решения в рамках традиционных одноуровневых подходов. У каждого способа есть свои преимущества и свои недостатки. Они несопоставимы по своим экономическим свойствам. Конвергентная концепция смешанной экономики не содержит принципов разграничения областей частной инициативы и государственной экономики. Конструктивно и бесконфликтно объединить в экономическую систему частный и государственный капитал возможно лишь в уровневой экономической системе на основе мотивационных приоритетов.

Ключевые слова: цели экономической деятельности; экономическая теория; общественный продукт; функции полезности; мотивация; экономическая политика.

JEL: A13;

ECONOMIC SCIENCE: AGAIN IN SEARCH OF SENSES

Astafjev Igor Vladimirovich
Ph.D. of Economic Sciences,
Doctoral Candidate, Finance University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract: Antagonistic opposition of two ways of the organisation of activity in macroeconomic systems (the free market with domination of the private capital and plan-state system) has no decision within the limits of traditional single-level approach. Each way has advantages and lacks. They are non-comparable according economic properties. The konvergentional concept of mixed economy does not contain principles of differentiation of areas of the private initiative and state economy. It is positively and frictionless to unite private and state capital probably only in economic system on the basis of motivational priorities.

Keywords: The economic activities of purposes; the economic theory; a public product; utility functions; motivation; economic policy.

Современному человеку непросто представить, что всего лишь четыре века назад экономики как научной дисциплины не существовало. Вопросы производства, распределения, обмена и потребления благ рассматривались в составе философии. Это имело известное преимущество: система целей была едина. Во главе иерархии абсолютная цель, о сущности которой велись дискуссии, а замыкали пирамиду (снизу) частные индивидуальные интересы. Которые, разумеется, для большинства людей (как, впрочем, к сожалению, и сейчас) наиболее значимы, но это обстоятельство еще не было возведено в абсолют, поскольку человек все же – существо социальное.

Революционный переворот в науке об отношениях по поводу благ произвел Адам Смит, впервые после Аристотеля (во всяком случае, нам так известно) в первом приближении наиболее полно формализовавший систему экономических отношений и обозначивший понятие «частный интерес» (индивидуальная функция полезности). При этом в науке произошло событие, которому, думается, придавалось и до настоящего времени уделяется недостаточно внимания: бывшая до этого единая

Журнал «Теоретическая экономика» №3, 2018

система целей была расколота [1, с. 31, 167]. Верхняя ее часть, соответствующая высшим благам (абсолютная идея, познание, прогресс, мораль, этика, высшая справедливость) остались в философии, а та часть, которая непосредственно связана в первую очередь с товарными благами (подразделение на товарные и общественные блага возникло много позже – лишь в начале XX века [17]), была выделена в область новой экономической науки.

Неудивительно, что цели потребления в новой науке о благах очень скоро заняли вершину мотивационной иерархии, создав предпосылки для возникновения индивидуализма, либерально-рыночного фундаментализма, на основе которого базируется концепция т.н. «свободного рынка».

Но обратим внимание на несколько значимых моментов. Во-первых, знаменуя обозначенное выше явление, выделение экономических целей из общеполитических, А. Смит методологически выраженно разделен сам в своем творчестве. Сами названия двух его фундаментальных трудов, «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов», как будто специально иллюстрируют разделение системы мотивации на «нравственную» и «экономическую» части. Во-вторых, говоря о т.н. «богатстве» (до сих пор размытое понятие), А. Смит, подразумевая под таковым совокупные располагаемые блага, применяет оборот именно «богатство народов». Не индивидов, и даже не государств, а именно народов. (Из чего просматривается параллель с понятием «непосредственно общественный продукт» [3, с. 169-169; 4; 9, с. 16].)

То есть целью экономической деятельности А. Смитом было провозглашено «накопление богатства», а рациональность экономической деятельности была сведена к экономической выгоде. Но сведена примечательным образом, по выражению Ф. Кенэ, к «поискам естественного порядка, ... наиболее выгодного для человеческого рода» (понятие морального закона) [8, с. 343]. Иначе говоря, объектом «выгоды» считался не только, и не столько индивид, и даже не столько государство, сколько цивилизация в целом. Остаточное влияние разделенной пирамиды целеполагания проявлялось еще долго, и даже воплотилось в XX в. в виде экономической системы социализма. Вторым ключевым словом у Кенэ можно считать «порядок», то есть способ организации жизни и деятельности.

В телеологическом дискурсе затем новая научная дисциплина, экономическая наука, сбросив с себя тысячелетнюю «тогу» науки о домашнем хозяйстве и облаченная в новые «одежды» политической экономии, начала телеологический дрейф в две противоположные стороны – в сторону интересов индивидов и в сторону интересов государства, общества. Обозначилось разделение на экономику оборота ограниченных ресурсов (впоследствии «экономикс») и их обращение в соответствии с законом предельной полезности, и экономику труда (марксистско-ленинская политическая экономия).

Именно здесь появился телеологический «водораздел» в методологических подходах: первый подход можно условно сформулировать как «что выгодно индивиду, то выгодно всем», а второй обратный – «что выгодно всем, то выгодно в конечном счете каждому». Методологические атолизм и холизм, соответствующие экономикам «свободного» рынка и планово-государственной, «социалистической» экономикам вступили между собой в непримиримое противоречие.

Здесь, думается, необходимо сделать важное краткое отступление. Двойные стандарты, которыми всегда была пронизана «Экономика Добра и Зла» (по точному выражению современного американского экономиста чешского происхождения Томаша Седлачека), и проявление которых в полной мере мы наблюдаем в современной жизни, обозначились во всех областях политико-экономической деятельности государств, сделавших официальную ставку исключительно на «свободный» рынок и индивидуальные функции полезности. Провозглашая в качестве экономического приоритета частный интерес в максимизации личных доходов и индивидуального конечного потребления как мотивационную вершину, фактически «страны коллективного Запада» активнейшим образом применяли государственное регулирование, да еще в таком виде, который можно признать учителем по отношению к появившейся позднее планово-государственной экономике Советского Союза [14, с. 296-303].

Вот только одна цитата из работы А.С. Пигу «Экономическая теория благосостояния», читая первый том которой, заведомо не видя валюту, даты и страну, может создаться полное впечатление того, что речь идет о планово-государственной экономике СССР, в то время как описывается экономика Англии начала XX века: «...для двух важных товаров – одежды и обуви – была применена основанная на косвенном воздействии простая система ценообразования. Была сделана попытка побудить фабрикантов или заставить их предоставлять значительную часть оборудования для производства «стандартных предметов», чтобы продавать их по ценам, в основу которых положена стоимость обработки продукции, в надежде, что конкуренция этих товаров на рынке косвенно вызовет понижение цен на сходные товары, которые не были стандартизованы» [14, с. 303].

Такое же явление в отношении «двойных методологических стандартов» стран с «развитой рыночной экономикой» было выявлено и описано современным норвежским экономистом Эриком Райнертом [15], который заключил, что если бы Англия в реальности следовала выводам своих собственных классиков экономики, в частности, закону сравнительных преимуществ Давида Рикардо, то она никогда не стала бы промышленной державой, а специализировалась бы на поставках шерсти, как современный Эквадор бананов. Великобритания же наоборот, долгое время с убытками инвестировала в наукоемкие технологии, чтобы впоследствии стать одним из флагманов мировой экономики. Э. Райнерт назвал это «законом возрастающей предельной полезности» (в противоположность закону убывающей предельной полезности) [15, с. 138-141].

Из этого следует, что далеко не всегда истинные цели экономической деятельности соответствуют официально провозглашаемым. Таким образом, между экономиксом, которому соответствует рациональность Homo economicus, и политической экономией, которой соответствует Homo socialis, существует выраженный мотивационный конфликт. Поскольку экономической макросистеме «свободного» рынка соответствуют исключительно индивидуальные функции полезности, политическая экономия с ее общественной функцией полезности закономерно пришлась «не ко двору» постиндустриальной рыночной экономической системе с ее попытками воцариться над всеми государствами и претендующей на роль законодателя смыслов деятельности. В этом отношении, продолжая мысль В.И. Пефтиева о том, как он стал «политэкономом-диссидентом» [13], есть основания полагать, что в условиях мейнстрима современной экономической теории слово «политэконом» почти сравнялось по значению со словом «диссидент».

Но общественные блага продолжают существовать и никак не сдают свои позиции. Проблема (для сторонников исключительно индивидуальных функций полезности) состоит в том, что основные общественные блага просто в силу своих объективных свойств не могут в них входить. Этот тезис наглядно и довольно иронично представлен Р.С. Гринбергом и Р.С. Рубинштейном: «Трудно представить себе, что, скажем, уравнение Шредингера из квантовой механики, теорема Потрягина-Куратовского из теории графов, модели Эрроу-Дебре и Маккензи из математической экономики могут быть предметом потребления отдельных людей и входить в их функцию полезности» [6, с. 160].

Вследствие эволюции способов организации производства, распределения, обмена и потребления благ сформировались два вида макроэкономических систем: планово-государственная с доминированием государственного капитала и «свободно»-рыночная с доминированием (во всяком случае, официальным доминированием) капитала частного. Каждый из этих способов имеет свои преимущества, и свои недостатки, это следует признать. Но они несравнимы и несовместимы между собой. Прежде всего потому, что одна макроэкономическая система опирается на функцию общественной полезности, а вторая – на индивидуальные. Вершиной эволюции стал продукт конвергенции – т.н. «смешанная экономика». Цели которой по-прежнему остаются абстрактно-неясными и в большинстве случаев формулируются как совокупный «рост благосостояния».

Определения смешанной экономики можно сравнить с определением смешанного леса. Смешанный лес – это лес, где присутствуют как лиственные, так и хвойные породы деревьев.

Причем, в каком соотношении – не раскрывается (если в хвойном лесу растет береза, а в лиственном одна сосна, то они смешанные? – определение не уточняет). Точно так же и смешанная экономика – «это экономика, где наряду с частным сектором функционирует и государственный (общественный) сектор экономики» [7, с. 66]. Такой тип макроэкономической системы носит название «смешанная», но справедливость этого подлежит сомнению, а возможно и переосмыслению. Является ли смесь воды и масла смесью? В естественных науках такие составы принято именовать суспензиями или взвесьями, но никак не смесями, поскольку компоненты составов не смешиваются между собой. Разумеется, экономическую теорию нельзя непосредственно отождествлять с физикой (хотя бы потому, что в естественных науках действуют законы, а в социальных – закономерности), но нельзя игнорировать то обстоятельство, что продукт смешения двух несовместимых способов экономической организации производства, распределения, обмена и потребления благ можно воспринимать как единое целое. Как известно, взвесь из воды и масла после прекращения на нее механического воздействия сама по себе разделяется на фракции.

В самом деле, если обратиться к российской системе права (а она в целом соответствует мировой), то из нее прямо следует несовместимость целей экономической деятельности частных и государственных субъектов экономической деятельности. Пункт 1 статьи 50 ГК РФ гласит: «Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации)» [5]. Целью деятельности коммерческого предприятия с частным капиталом имеет целью извлечение прибыли (и за этим осуществляет надзор Налоговая служба), целью же деятельности государственных учреждения и в отдельных случаях даже коммерческих предприятий с государственным капиталом не обязательно является извлечение прибыли, главная их задача – выполнение уставных целей. Если же в акционерном капитале присутствует как частный, так и государственный (а иногда и иностранный частный и иностранный государственный), то такой субъект экономической деятельности неизбежно содержит мотивационные конфликты, конфликты интересов.

Отсюда возникает одна из главнейших методологических проблем эволюции социально-экономических систем: по какому принципу объединить преимущества и минимизировать недостатки того и другого способа организации производства, распределения, обмена и потребления благ в одной макроэкономической системе. До настоящего времени кроме не научных, а, скорее, ироничных литературно-аллегорических правил конвергентного объединения «частнику прибыли, а государству убытки» или «приватизация прибылей и национализация убытков» не сформулировано.

Итак, экономическая наука вновь оказалась на этапе поиска смыслов деятельности. Что провозгласить в качестве высших приоритетов, максимальный уровень индивидуального конечного потребления (экономикс, эконометрика, индивидуальные функции полезности) или цивилизационный прогресс (политическая экономия, общественная и индивидуальные функции полезности)?

«Экономисты мейнстрима растеряли большинство красок науки и уцепились за черно-белый культ homo oeconomicus, игнорирующий вопросы добра и зла. Мы просто крепко закрыли глаза и остались, таким образом, слепы к самым главным движущим силам человеческих поступков» [16, с. 20; 12]. Ситуация осложнена тем, что экономическая система, основанная на индивидуальных функциях полезности, не может существовать без демонстративного потребления и оппортунистического поведения.

«Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем» [10, с. 14].

«Добро вне получаемой выгоды ... не имеет никакой собственной ценности. Добро не цель, а только средство получения удовольствия. Такая этическая система предшествовала утилитаризму

и послужила основой для современной экономической доктрины» [16, с. 165], – констатирует Т. Седлачек и провозглашает тезис о том, что «в роли, которую в древности играли нормативные мифы и притчи, сегодня выступают научные модели. В этом нет ничего плохого, мы просто должны это признать» [16, с. 9].

Эволюция современных макроэкономических систем зашла в тупик. То, что обозначают понятием «постиндустриальное общество», является всего лишь разновидностью рыночной экономики потребления с гипертрофированно раздутой сферой услуг. При этом классовая структура общества не имеет никаких отличий от таковой традиционного капитализма эпохи К. Маркса. Достаточно открыть действующий Налоговый кодекс РФ (ч. II), и мы найдем в разделе налога на доходы физических лиц исчерпывающую иллюстрацию классического определения классов В.И. Ленина, предложенного им в работе «Великий почин».

Одноуровневое противостояние «свободного» рынка и планово-государственной системы не имеет конструктивного решения, но и простые конвергентные схемы не могут предложить пути упорядоченной логической качественной трансформации системы организации производства, распределения, обмена и потребления благ. Экономические отношения без социальных существовать не могут, а последние формируются вокруг социальных идей.

Непримиримость либералов, их зачастую даже воинствующая радикальность свидетельствуют о заведомой неправоте, ибо любая крайность априори неверна. Точно так же, как и «большевистская» непримиримость в отношении частного капитала. «Только государственная собственность!» – утверждали одни. «Только и исключительно частная инициатива!» – говорят другие. «Только интересы государства!» – говорили одни. «Нет никаких интересов государства, есть только индивидуальные интересы!» – утверждают другие. Это методологический тупик.

Отдельный интерес представляет трактовка некоторыми экономистами либерального направления эволюции форм собственности при коммунизме (в его марксовом понимании – а иного нет). На том основании, что К. Маркс и Ф. Энгельс провозглашали тезис о постепенном отмирании государства, такие современные авторы делают вывод о грядущей тотальной частной собственности на всё (это, якобы, и понятно, ведь если государства нет, то и государственной собственности быть не может). Не считая возможным углубляться здесь в данную тему, обратим лишь внимание на то, что в такой трактовке всё целеполагание намеренно сводится к индивидуальным функциям полезности.

Поиск возможного решения может осуществляться в рамках диалектического и системно-институционального подходов к организации макроэкономической (и мегаэкономической) систем. Необходимо найти такой элемент социально-экономической системы, который обеспечит синергетический эффект, объединение всех элементов с различными свойствами воедино. Осуществить это возможно только введя «третье, телеологическое, измерение» и разведя способы организации экономической деятельности по различным уровням. Таким элементом и критерием может служить система мотивации [1; 2].

Нормативно-телеологическая концепция организации экономической деятельности предусматривает следующий алгоритм:

- выстраивание социальной иерархии целей;
- определение соответствия благ и видов экономической деятельности определенному мотивационному уровню, индивидуальной или общественной функциям полезности;
- установление для каждого мотивационного уровня режимов налогообложения, способов ценообразования и форм собственности на капитальные блага, соответствующих целям и результатам их деятельности, от нормированного ценообразования и льготного налогообложения до свободного ценообразования и полного налогообложения.

Главное, однако, не в предлагаемом частном варианте организации макроэкономической системы – решений может (и должно) быть не одно. И не будем утверждать, что данное – самое

лучшее. Важнее иное. До тех пор, пока систему целей общества и государства будет увенчивать максимизация индивидуального конечного потребления, пока будут превалировать индивидуальные функции полезности, а само существование государственной (общественной) полезности порой будет вообще подвергаться сомнению, пока вместо устранения самой кризисной экономической системы будет эконометрически изучаться природа кризисов и их «благотворное» влияние на развитие производства и потребления, дальнейшее качественное развитие системы социально-экономических отношений в прогрессивном направлении будет вряд ли возможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Астафьев И.В. Основы мотивационного общества / И.В. Астафьев. Кострома: Авантитул, 2010. 442 с.
2. Астафьев И.В. Основания мотивационной экономики. Институт мотивационной деятельности в системе организации совокупного общественного труда / И.В. Астафьев. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 214 с.
3. Гордеев В.А. Александр Иванович Кащенко и теоретическая экономия как новое научное направление / В.А. Гордеев // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. – 2013. - №2. - С. 168-171.
4. Гордеев В.А. Концепция непосредственно общественного продукта А.И. Кащенко и теоретическая экономия / В.А. Гордеев // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. – 2013. - № 5. - С. 63-71.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения 12.03.2018).
6. Гринберг Р.С. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика / Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн. Ин-т экономики РАН. - М., 2008. - 482 с.
7. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я., Белоусова О.М., Нуреев Р.М. Экономика общественного сектора (новая теория): учебник / Р.С. Гринберг. – М: РИОР: ИНФРА-М, 2016. – 440 с.
8. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ. - М: Соцэкгиз, 1960 (М.: Директмедиа Паблишинг, 2008).
9. Мелиховский В.М. Основные направления развития научной школы профессора А.И. Кащенко / В.М. Мелиховский // Теоретическая экономика. – 2016. - № 6. - С. 13-20.
10. МанDEVиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Б. МанDEVиль. - М.: Наука, 2000. – 291 с.
11. Мизес Л. Либерализм / Л. Мизес. – М.: Социум, 2011. – 496 с.
12. Осипов Ю.М. Панэкономизм / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2010. - № 1. - С. 262–264.
13. ПEFтьев В.И. Как я стал политэкономом-диссидентом / В.И. ПEFтьев // Вестник Ивановского государственного университета. – 2013. - № 1. - С. 62-64.
14. Пигу А. Экономическая теория благосостояния / А. Пигу. т. I. Пер. с англ. - М.: «Прогресс», 1985. – 512 с.
15. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. - 384 с.
16. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / Т. Седлачек. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. - 290 с.
17. Lindahl E.R. Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage

der Grenznutzentheorie / E.R. Lindahl. - Lund, 1919.